

Роман Покровский

ХРАНИТЕЛЬ ДЕВЯТИ СОЛНЦ

Роман Покровский

Хранитель Девяти Солнц

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21536412
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Граф Моррисон представляет «Хранителя Девяти Солнц». Роман, который сам Граф окрестил «импровизацией». В двух словах сюжет тут не расскажешь. Надо прочитать несколько глав и выбрать его для себя самого. Потому что для кого-то это бесконечная беготня с каким-то Путеводителем, для кого-то пересказ «Принца и Нищего», а для кого-то откровения сумасшедшего. Но всё вместе это смотрится колоритно.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1	22
Гельфида	22
Геррер	39
Солон	58
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Роман Покровский

ХРАНИТЕЛЬ

ДЕВЯТИ СОЛНЦ

Дебютная работа Графа Моррисона.

*Посвящается саге о Кэрэ Лаэде, некроманте
Неясыти и шпионе Фессе...*

ПРОЛОГ

На небе солнце вновь скрылось за облака. Это продолжалось в течение всего дня – солнце то появлялось, ослепляя всех ярким светом, то наоборот, скрывалось за серыми облачками, навевая какую-то неведомую тоску. Хотелось скрыться от этой серости, не дожидаясь лучшего, и просто ждать, ждать и ждать...

Но в этом городе, в этом месте, напоминающем что-то среднее между базаром и площадью, всегда было очень много людно. И как следствие, очень много шума. Народ не переставая о чём-то галдел между собой. И создавалось ощущение, что говорили они все разом. Именно все говорили, но никто никого не слушал. Как будто бы только и выбрались из дома, чтобы вдоволь пошуметь.

Их слова были неразличимы, напоминали какое-то южное

наречие, на котором излагались как раз только на этом самом юге и больше нигде. Но этот город изо дня в день слышал только одно и тоже, без надежд на какие-то изменения.

Сквозь толпу, казалось бы, пытаясь оказаться незамеченным, пробирался один человек, которому совершенно не было никакого дела до происходящего вокруг. Он куда-то торопился, слегка толкая случайных прохожих плечами... И будь это любой другой, за такую наглость его просто тупо бы покалечили. Но не в этом случае.

Этого человека выдавал его наряд. Поистине королевский, пусть местами и потрепанный там, где не надо. Было видно, что этот человек абсолютно не следил за своим внешним видом... Это точно не король – одного лишь яркого одеяния мало. Надо было видеть его лицо...

Под глазом красовался только начавший проходить светло-лиловый синяк, под губой красовалась болячка, судя по всему, последовавшая после удара с боку. Так же несколько ссадин по всему лицу явно говорили о не слишком благородном образе жизни этого человека.

В руке он крепко-крепко, прижимая прямо к сердцу, нёс позолоченный мешочек с тугой перевязкой. Он старательно прятал его от посторонних глаз, но мало чего получалось. Все видели эту некую драгоценность, но никому не было до этого дела. Все были и так по уши в своих проблемах, и проблемы чужих их нисколько не заботили.

Больше всего он боялся карманных воришек, которые лю-

били шнырять в таких больших толпах, где проще всего выхватить у незадачливого прохожего его поклажу и незаметно в толпе скрыться с ней... Этот вариант был для человека просто сходен со смертью, а может быть даже и хуже неё...

И самым необычным было то, что этого человека знали в этой толпе абсолютно все. Знали намного лучше, чем любого другого прохожего. И должны были дружно расступаться перед ним и кланяться. Но уже очень давно перестали этого делать. Потому что привыкли видеть своего принца именно таким – покрытым синяками и ссадинами, и бешеными, почти сумасшедшими глазами... Который абсолютно ничего в этой толпе не замечал. Может быть и замечал, но всё игнорировал. Так же, как и толпа игнорировала его...

«Это уже давно не моё» – прокатилось у него в мыслях. «Равно как никогда и не было моим, и никогда не будет. Я ненавижу каждого, кто сейчас проходит мимо меня, я готов плюнуть в лицо каждому, кто сейчас хотя бы мимолётом смотрит на меня... Забудьте про то, что я существую, забудьте про то, что видите именно меня... Забудьте...».

Неожиданно какая-то твёрдая рука оказалась на плече у Принца, но тот ни капли не содрогнулся, как будто уже давно этого ожидал. Он лишь понимающе моргнул, когда вторая рука схватила его под руку и потащила куда-то. Принц несколько не сопротивлялся. Он прекрасно знал, кто эти люди и что это делают... Хотя даже и не пытался смотреть на их лица.

Два человека с весьма крепким телосложением волокли Принца в сторону пустующего переулка, а затем завернули за какой-то особняк, туда, где было больше травы, но меньше пыли и посторонних лиц.

Оба парня были одеты в одинаковые чёрные кожаные безрукавки, и даже пострижены были синхронно. Но никаких родственных связей между ними и в помине не было, потому как различались они и чертами лица, да и фигурами тоже. Хотя мышцы на их руках были одинаково накачены и напряжены.

Принцу до такой идиллии было очень далеко – он сильно похудел за последние времена, и руки его напоминали сухие сучки, две косточки, обтянутые бледной кожей. Один только вид его внушал жалость…

Парни без какого-либо сожаления к нему, кинули его прямо на землю, после того, как пришли к месту назначения… Ноги принца, заметно обессиленные подкосились сразу же, и не в силах сопротивляться с самими же собой, рухнули на землю, утащив с собой и своего хозяина.

– Ты всё принёс? – послышался Принцу очень знакомый голос.

Принц приподнял глаза и увидел того, кого и ожидал увидеть, молодого высокого человека лет от силы двадцати трех. Принцу и самому было только чуть больше, но вид этих двух личностей было невозможно сравнить. Обладатель этого хамоватого и высокомерного голоса был чрезвычайно ухо-

женным парнем, облаченным в новейшее и чистейшее голубое одеяние, аккуратно причесанным... Даже кожа его была идеально ровной, без каких-либо дефектов...

— Всё, как мы и договаривались, — чуть слышно пробормотал Принц, с трудом поднимаясь с колен.

И он протянул свой драгоценный мешочек своему собеседнику. Рука его дрожала как никогда, а во взгляде была малейшая доля надежды на что-то лучшее...

Молодой парень презрительно вытащил это из рук Принца и, проверив рукой его тяжесть, принялся развязывать. Но Принц слишком туго перетянул его, и сделать это было не так уж и просто. Гораздо проще было разрезать это ножом и посчитать. Так парень и поступил.

— Тут втрое меныше, чем должно было быть! — словно недовольный ребенок, воскликнул молодой человек, пересчитав сверкающие золотые монетки.

— Но... Мы договаривались именно на такую сумму, барон Арриен, — обреченно произнёс Принц...

— Договаривались? Ты пропадал две недели после того самого разговора! Я устал ждать, отсюда материальный ущерб за моё ожидание!

Принц ясно понимал, что с ним поступили более чем несправедливо. Но он ничего не мог с этим поделать. Он мог только так же дольше полусидя-полустоя ожидать свою участь. Он уже привык к этому. Это давно являлось словно системой, которую не поломать, нормой, установленной

извне.

– Но... В казне больше нет денег... Я ничего не мог по-делать...

– Это не мои проблемы, а твои, где есть деньги, а где их нет! Я должен их лишь получать!

Голос Арриена был всё же чуть высоковат. Как будто он восемнадцатилетний юноша. В чём-то было и так. Бородки-то у Арриена и не было. Но это их наследственное... Все высокие, стройные, красивые, но безбрадые. И даже говорят, что Арриен унаследовал у предков способность красиво петь... И красиво говорить...

– Почему ты не мог сразу сказать? – исступленно спросил Принц.

– Потому! – барон наградил Принца звонкой пощёчиной, от которой он даже пошатнулся, а на лице остался красный след от нежной ладони. – А теперь что? Что теперь ты скажешь?

– Пойми меня барон, будь хоть на каплю человечным... У меня и так полно других долгов...

– Я тебе сто раз говорил, что меня это не должно волновать! Мы с тобой договаривались, и всё должно быть честно... Но ты решил, что находишься выше нашего договора.

Принц ожидал, что Арриен сейчас ещё раз щёлкнет его по лицу, но тот почему-то воздержался. Наверное боялся повредить свою беленькую ручку... Или просто боялся измазать её об Принца. Скорее всего и то и другое... Но Принцу

было всё равно. Он почти не обращал внимания на боль, она уже не была столь важной...

– Мне требуется время, барон... Дай мне время!

– Я тебе давал очень много времени, достопочтимый! – воскликнул Арриен. – О чём ты думал раньше, когда только начинал ввязываться в игру! Ты должен был правильно распределить свои возможности! Тебе не дано было выиграть у меня... Но ты оказался очень упрётным! Ты всегда желал отыграться! Пытался, пока не кончилась...

– Но я, – пытался вставить своё слово Принц.

– Молчать! – словно умалишённый закричал Арриен. – Ты занимал у меня денег, что бы отыграться! Занимал МОИ деньги, чтобы проиграть их мне же! Ты же умалишён... Энтоэн Умалишённый! Я думаю, что народу понравится это прозвище.

– Позволь... – Принц безуспешно пытался вставить своё слово в монолог Арриена, но это у него плохо получалось...

Арриен просто издевался над Принцем всё время. Эта хитрая особа отлично жульничала, и никто не мог уличить его в этом. Принц исключением не оказался. Он оказался зависимым от Арриена... Он приходил к нему вновь и вновь, принося всё больше и больше золота, с желанием оказаться лучше чем он... Но неизменно он уходил проигравшим и униженным. Арриен начал казаться ему каким-то божеством и Принц, сам того не желая, в душе стал поклоняться ему, как государю. Хотя ведь формально было всё наоборот.

– Король помойки! Ни на что не годный... Куда же ты будешь распределять налоги казны? Если у тебя не хватает денег, чтобы обеспечить даже самого себя.

– У меня есть силы исправиться, – пролепетал Принц, вновь привстав с левого колена.

– Боюсь, что эти слова уже утратили всякий свой смысл. Они являются лишь эхом себя же прошлых... Я даже не представляю, что ты должен для этого сделать.

– Прости мне долг, – из-за безысходности сказал Принц.

– Чего? – скривил лицо Арриен. – Ты наверное ещё больше умалишённый, чем я думал раньше. Наивный, словно маленький ребёнок. Просиши меня о том, что и бездомный бродяга боится попросить... Моя гордость никогда не позволит это сделать.

И Арриен гордо поднял свой баронский нос. Идеально ровный, поистине нос аристократа. Да и вся внешность Арриена сейчас как нельзя под это подходила. И манера речи, и все его привычки... Что ж, поистине прекрасен, но в то же время и отвратителен этот человек...

– Я весь в долгах, – пробормотал принц, убрав в сторону упавшие на глаза растрепанные, неделю не мытые волосы.

– Я знаю об этом... И всякий из них, кто встретит тебя сейчас, обойдётся с тобой намного хуже чем я. Ты даже становишь видеть во мне друга...

– Так же говорит и каждый из них... А обходятся плохо...

– Ну если ты хочешь называть их друзьями, то не буду тебе

мешать... Я не ввязываюсь в их дела, меня волнуют только свои... И ты сейчас – мой главный мозоль. Я бы втоптал в эту землю, или отдал бы на съедение свиньям, но твоя смерть не принесёт никакого толка... Только мне на душу грех...

Принц знал, что Арриен не допустит смерти Принца при любой развязке. Уж очень ценил он этот свой источник дохода и наверняка догадывался, что в будущем он сможет ему неплохо послужить...

– Сейчас я ничего не смогу сделать, – обреченно сказал Принц.

– То же самое ты скажешь тем ребятам с восточного района города? Те, у которых ты покупал тот волшебный порошок, делающий тебя счастливым... Наверняка ты задолжал им не меньше, чем мне...

– Ты прав...

– От них вечно скрываться не получится... Или долг, или смерть... А то и рабство... Наверное такая судьба точно не по тебе? Этот порошок... Белая смерть... Просто развоплотил тебя. Я не знаю, как правильно его называть, да честно и не хочу... Но искренне жалею тебя... Жалкий, грязный, бесполезный бродяжка...

Теперь уже Арриен ударил его не ладонью, а кулаком. Своим нежным любимым кулачком. Однако какая-то сила в кулаке всё же присутствовала. Арриен влепил ему уже не с такой злостью, что несколькими минутами ранее, но всё же не очень приятно.

Принц пошатнулся и упал...

— Ты вожделеешь его, — презрительно промолвил Арриен, — этого белого порошка. Даже смотреть на тебя такого невыносимо...

Арриен развернулся и отошёл на пару шагов.

— Завтра я тебя встречу на том же самом месте, — проговорил он, — и только попробуй не явись. Ты догадываешься о том, что будет... Хуже, чем через пару минут...

Принц знал, что будет через пару минут... Эх жаль, ссадины ведь только начали заживать... Хотя какая разница — Принц не видел себя в зеркале уже очень давно как, его уже не интересовало, осталось ли там хотя бы одно живое место или же его там нет совсем...

Самый первый удар пришелся Принцу по носу. Его нанёс ногой один из прислужников Арриена... Что ж, обычно такой удар производил сам барон, а сейчас почему-то он стоит в сторонке и только с косой улыбкой смотрит на происходящую процессию... А ведь у барона больнее получалось. Сапог у него был мало того что жесткий, так ещё и с металлической подкладкой на носке. Как будто специально для этого предназначенней.

Из носа Принца бешено струей потекла багровая кровь. Нос был теперь уже точно сломан. Но это было только началом... Удар второго ногой в живот хоть ничего не сломал, но заставил принца упасть на пол безвольной тушкой. Следующие удары Принц уже не запоминал. Его просто избивали,

а он валялся в грязи и терпел. Глаза его были открыты и обреченно смотрели на ноги избивающих. По лицу его почти не били, может быть даже и из жалости. А вот всё остальное не жалели...

Принц думал о том, что же будет дальше. Что ж, отличная поза для того что бы думать... Конечно же, не сравнится с тихими королевскими покоями, со всеми благостями и усладами... Но это не его покой... Королевство, равно как и его столица принадлежат не ему. Даже близко не ему. Арриена, несмотря на его видимую молодость, можно назвать одним из самых влиятельных людей города, а в перспективе может быть и самым влиятельным. У них там своя подпольная игра, в которой Принц не участвует. И даже если бы участвовал, был бы далеко не самым главным фаворитом. Скорее всего его бы и там втоптали в землю. Прямо точно так же, как сделали это сейчас.

Арриен подошёл к туще трясущегося Принца и с детским интересом заглянул тому в лицо. Окровавлено из-за перелома носа. Даже на земле разбрьзгана кровь, и туника Принца так же испорчена...

— Даже смотреть на тебя противно, — с ещё большим презрением произнёс барон, плеснув прямо в лицо Принцу, — мразь... До скорой встречи...

После этих слов Арриен развернулся и ушёл. Теперь уже насовсем. Точнее до завтра. Принц знал, что сегодня барон уже больше не побеспокоит его.

Парни, минуту назад избивающие Принца, безропотно пошли вслед за Арриеном. Никто из них не рискнул даже взглянуть на Принца без разрешения на то своего барона. Что ж, повезло этим парням... Могут вдоволь и почти когда угодно избивать самого Принца Буррайдена. Энтоэна Ума-лишённого. Невелика честь конечно...

– Ненавижу, – попытался крикнуть вдогонку Принц, но получилось только что-то вроде хрипа.

Он был обессилен, но у него хватило сил ещё улыбнуться своим обидчикам. Где-то справа у него не хватало зуба... Но это произошло не после сегодняшнего события, а намного раньше... Тоже в подобном случае. А каком уже именно, Принц позабыл.

Подождав, пока Арриен и его люди полностью скроются из виду, Принц с огромным трудом поднялся. Рёбра вроде бы не сломаны. Это значит, что ему ещё повезло. Бывало, конечно и хуже. Но сейчас было безумно стыдно. Принц не являлся настоящим принцем, он представлял из себя полное ничтожество, что сейчас он как раз вновь показал.

Он направился к выходу из этого злосчастного переулка, держась за левый бок. Ребра были целы, но печень скорее всего отбили. Но это не являлось принципиально важным, пора бы Принцу и забыть про эту травму. Надо что-то предпринимать. Но мыслей в голову не приходила. Мать, то есть Королева, никогда бы и ни за что не сказала Принцу, где прячет всё золота, даже если бы тот пригрозил ей смертью.

Уж слишком непреклонна она была, и нисколько не боялась смерти. В отличие от своего непутевого сына.

Теперь уже не особо чуя боли, Принц пробирался вновь через толпу, только лишь на этот раз в другом направлении. На него по-прежнему никто не обращал внимания. Не замечали они даже и окровавленного лица своего государя. Видимо, им не впервые приходилось наблюдать за подобной картиной.

Прямо в красивом фонтане в форме лебедя в центре площади Принц умывал своё лицо. Толпе конечно могло и не понравиться подобное поведение, но они ничего не говорили. Пусть они и не кланяются этому человеку, но он является их принцем. И независимо от их внутренних убеждений, внешне они показывать ничего не имели права. Может это и не совсем правильно, но таков закон.

Вскоре в городе начало уже смеркаться и люди наконец-то начали покидать улицы, прятавшись по домам. Теперь никто не задевал плечи Принца и он мог спокойно продвигаться дальше, превозмогая боль в печени.

В такое время, несомненно был риск напороться на преступников и получить от них такую же серию ударов, сродни той, что Принц ощущил на себе буквально полчаса назад. Но Буррайден считался относительно спокойным городом, где уличная преступность пресекалась ещё более могучей преступностью.

Дворец Королевы находился практически в центре горо-

да. Его красивые башни были так высоки, что виднелись почти из любой точки города, и всегда можно было найти к нему дорогу.

Но Принц не хотел заходить сейчас во дворец. Он не хотел попадаться на глаза ни матери, ни слугам, ни любой другой родне. Им уже осточертел вид и вообще присутствие Принца. Они уже не считали его за своего родного. Все, за исключением матери. Она всегда, в любом виде любила сына и всегда плакала о нём. Лишь только при народе она являлась супрой и волевой женщиной. А там, где всё внимание ограничено от посторонних глаз, она являлась заботливой и любящей матерью.

Но сейчас Принц этого не ценил. Он уже и не знал, что сейчас хочет и о чём мечтает. Смысл жизни уже давно угас для него давно. С каждым днём он всё более и более осознавал свою никчёмность, и уже вперед никакой дороги не было. Никаких перспектив в будущем. Даже тот факт, что уже сравнительно скоро он может стать королём, нисколько не внушал оптимизма. *Как можно властвовать тем, над чем не имееши власти?* Власть в городе поделена между несколькими личностями, и Королева там не на первом месте. Ещё гораздо хуже будет с Энтоэном...

Он никчёмен. Он не понимал, почему из дня в день употребляет тот самый белый порошок... С того самого дня, когда он первый раз попробовал его, уже не мог оторваться. И каждый день ему приходилось всё хуже и хуже без него. При-

ходилось любой ценой доставать его... Занимать, красть, но доставать. Ощущать на какой-то период непомерное счастье, а затем снова возвращаться в этот ад. Ад, из которого уже нет выхода.

Сейчас путь Принца лежал не в свои покои, а в королевские конюшни. Они были уже не так наполнены хорошими конями, как раньше, но всё так же благо обустроены. Несомненно, когда-то тут были толпы наилучших коней, но сейчас их количество сократилось втрое, а то и вчетверо. Виной тому конечно то, что на трон села женщина, а не король, как раньше.

Там, в самом отдалённом стойле, стоял, наверное, один из самых лучших коней королевства. И принадлежал этот конь принцу. Наверное, самая ценная вещь, на данный момент принадлежащая Принцу. Он прятал её до самого последнего момента и никогда не рисковал продать, для того чтобы купить волшебного порошка или отдать долг барону Арриену. Всё-таки оставалось в нём ещё что-то человеческое. Коня этого подарил Принцу другой Барон, из западной части королевства. Принц уже и забыл, какой именно это был Барон. Но он знал, что подарок этот очень дорогой. Выращенный на лугах Коносогории – страны коневодов.

Эта скотина очень любила Принца. Хотя непонятно за что. Принц ни разу не участвовал с ней в боях или в чём-то подобном. Он использовал коня максимум для того, чтобы прокатиться по свежим полям окраины города в свободное

время. Устраивая отдых и себе и коню...

— Ну что ж... Пора прощаться, — произнёс Принц, аккуратно гладя коня за пушистую гриву.

Принц жалел, что так и не успел придумать имя для коня, которого мог даже считать своим другом. Но теперь уже поздно — торговцам на рынке будет всё равно, как зовут скотину — лишь бы живой была...

— Денег, полученных с твоей продажи как раз хватит, чтобы уплатить долг барону Арриену, — прошептал Принц на ухо коню, всё так же не отпуская руки от гривы.

Конь недовольно фыркнул. Он понимал всё, о чём говорил Принц. И понимал, что новый хозяин любить его так не будет. Если вообще не спустит его на мясо и шкуру.

— Ты не хочешь прощаться, брат? Я знаю. — Принц секунду промолчал, после чего гордо промолвил: — Южный Ветер... Ты всё-таки получишь имя... Я не имел права проводить тебя без него.

Конь ещё раз недовольно фыркнул. Он не понимал, что у Принца просто не было другого выхода, он не понимал, что является всего лишь вещью, которую можно купить и продать... И он даже разочаровался бы, узнав, что хозяин способен так сделать.

Там, в углу хлева, в сундуке находится ещё и заветный сундук. Там Принц всегда берёт неприкосновенный запас золота, но его всё-таки пришлось постепенно отдать, чтобы лишиться некоторых долгов. Всё, что осталось в сундуке сей-

час – это одеяние Принца, которое он спрятал сюда, чтобы потом продать, и заветный коробочек, в котором хранилось немного заветного белого порошка...

Платье можно продать, но его цены не хватит, чтобы отдать даже половину Арриену, не говоря уже о других долгах....

– Южный Ветер... Я вижу, ты меня не отпустишь? Я тоже... Тяжело, и я не могу с этим справиться... Ты предлагаешь мне выбираться из этой ямы вместе... Но куда? Глаза и уши моих врагов повсюду и у нас ничего не получится... Но... Шанс есть.

На этот раз конь сам головой потёрся о плечо хозяина. Принц сразу почувствовал там боль, ведь плечо эти парни ему тоже неплохо отшибли... Но он вновь не обращал на это внимания. Лучший друг рядом – а значит, что в эти минуты бояться нечего. Разве что только самого друга, но он ничего злого не причинит.

– Мы обречены, – произнёс Принц, – но если останемся, лучше не будет... Что ж, в добрый путь! Я даже новое чистое платье надену...

Так Принц покинул свой город... Судя по всему, навсегда, потому что последние три с половиной месяца его ни тут, ни на окраинах никто не видел. Не сказать бы, что Арриен и другие лидеры были от этого в бешенстве – таких, как Принц в их распоряжении было выше кучи. Но всё же стоило бы только Принцу появиться в этом городе, он бы не обобрал-

ся проблем... Не тех, что были раньше, а намного хуже. Из такого и живым то выбраться трудно, о другой сохранности речь и вообще не идёт.

А Королева всё это время плакала... Плакала по своему единственному сыну, пусть и такому непутёвому. Несомненно, она не верила в то, что он погиб. Она надеялась на самое лучшее. На то, что однажды ворота города отопрутся и он въедет его на Южном Ветре – красивый, нарядный и счастливый! И сразу заиграет музыка, и застучат барабаны,озвещая о возвращении Принца. Ах, жаль, что это будущее почти утеряно.

ГЛАВА 1

Гельфида

Наступал вечер. Ночь сегодня не будет такой тёмной, как была ещё несколько дней назад, но звёзды уже появились на синем небосводе. Таком прозрачном и чистом, что можно было утонуть в этих мириадах звёзд, и в этой проницательной синеве, что сводила с ума своей загадочностью и беспечностью.

Пожалуй, сейчас было идеальное время для вечернего отдыха. И идеальная обстановка, лучше даже не придумать. Обсерватория Анистона возвышалась выше любого здания в городе, а потому лежать на самой её крыше и изучать загадочное место, было настоящим удовольствием.

Для Гельфиды Анистон, дочери Георега сейчас не было большего счастья. Она лежала прямо на камнях. И лёгкий ветерок растрепывал её шикарные волосы по всему лицу. Но это приносило ей только большую радость, ведь после напряжённого дня её могло успокоить лишь только такое трепыханье весеннего ветерка.

Возле неё гордо восседал сокол-альбинос, и настороженно осматривался по сторонам, будто бы охраняя свою любимую хозяйку от посторонних опасностей.

— Лютик, ты тоже можешь отдохнуть, — сказала Гельфида своей птице, даже не поворачивая к ней своего взгляда.

Птица, будто бы поняв человеческую речь, повиновалась и опустила голову. Видно так она хотела дать понять своей хозяйке, что она отдыхает. Но ту было трудно провести...

— На сегодня ты свободен, Лютик, — сказала она, — можешь полетать по городу и окрестностям, главное слишком далеко меня не покидай. Найди обратную дорогу!

Но последние слова Гельфида говорила уже вдогонку, так как Лютик беспрепятственно улетел в просторы. Гельфида поднялась и подошла к перилам, что отделяли крышу от города.

Весь город был словно на ладони с такой гигантской высоты. Город был не таким большим, как Буррайден или Акра, потому его границы были видны прямо отсюда. Видно было буквально всё — от элитных высоких построек до низеньких избушек нищих районов.

С высоты птичьего полёта Гельфида любовалась городом и полётом Лютика словно в никуда. Сейчас Гельфида могла и сама почувствовать на месте Лютика, ведь она была так же высоко, как и он. И, смотря вниз на город, ей казалось, что она владеет всем этим, что она королева этого города и его неоспоримая и любимая владычица.

Лишь только с наступлением темноты она решила спуститься чуть пониже, на один ярус, где находилась сама обсерватория. На воздухе похолодало, и Гельфиде меньше все-

го хотелось, чтобы её сейчас продуло и она заболела.

Её дед, герр Анистон сидел на своем привычном месте, в своих смешных круглых очках, и что-то изучал. Гельфида с такого расстояния не могла бы распознать, что именно. Так как на его столе было разбросано сразу несколько карт(при чём как карт звёздного неба, так и карт с изображением земной поверхности), много книг, и всяких вырванных листов бумаги, небрежно исписанных каким-то непонятным почерком, и с кучей всевозможных клятв.

— Гельфида? — хрипловатым голосом поинтересовался герр Анистон, предпочитая спросить, а не лицезреть свою внучку вживую.

— Я, дедушка, — ответила она.

Гельфида наблюдала за тем, как дед нашупал на столе здоровенную лупу и стал изучать сквозь неё карту. Одновременно и сквозь неё, и сквозь очки. Будто бы почерк был настолько мелким, что герр Анистон при возможности использовал бы тысячи линз.

— Как день прошёл? — спросил дед, хотя заранее мог догадываться об ответе Гельфиды.

— Всё как обычно, — ответила Гельфида, выражая лицом долю неудовольствия.

— Ну да, ну да... Знаю, знаю... Мечи, стрелы и верховая езда...

— Ну да, а ещё метание ножей, — сказала Гельфида, уже понимая, в какое русло продвигается дальнейший разговор...

— Когда же ты всё это ребячество оставишь? Ты очень красивая, за тобой очередь рыцарей должна уже выстроиться. А свадьба — это всегда хорошо...

— Но не в моём возрасте...

— Конечно не в твоём. Раньше надо было... Уже двадцать третий год, а всё... Тьфу...

Гельфиду ничуть не задевали слова деда, так как слышала она их каждый день. Примерно в это самое время. И знала, что её жизнь и пристрастия уже никому не исправить. Даже герру Анистону, которому в свои преклонные годы только на звёзды и на карты бы любоваться...

Весь кабинет деда был завален всякими странными вещами, среди которых были и измерительные приборы и какие-то приспособления, напоминающие орудия пыток. И вообще вся обсерватория напоминала не обсерваторию вовсе, а дом либо алхимика, либо инквизитора...

Больше всего Гельфиду всегда привлекало изделие, которое дед называл глобусом. Этот шар с изображёнными на нём континентами и морями он с десяток лет назад создал сам. И всегда держал в самом видном месте.

Больше всего Гельфида нравилось его крутить, будто бы герр Анистон только для этого его и создавал. Сам дед очень не любил, когда Гельфида это делала и говорил, что «ещё немного и земная ось сорвётся, а планета укатится под стол». Только вот за более чем десять лет нравоучений ничего не изменилось. Гельфида всё так же бесчисленное множество

раз крутила глобус, а земная ось стояла на месте, будто приваренное наживо...

Среди синего моря гордо красовался Родевиль со всеми прилежащими ему островками, включая и «чёрные» Дарк-ист и Блэкланд. Сверху, в такт реальности были нарисованы снега, огибающие границы Хайклума – страны грандиозных Альвенов. И пустые, словно выжженные земли кровавых Ненгарских земель и Дарк-иста, и зелёные эльфийские земли, включая Латьен смотрелись очень живо и колоритно на этой карте. Как и горные Лунные Земли и Коносогория, так и разноцветные Лармания и Карнария.

А южнее материка Родевиля находился целые архипелаг разных по размерам островов, по рассказам иноземцев заселённых странными чернокожими людьми. И уже ниже островов был изображён мифический Татмос – южный материк, чуть меньший по размерам, нежели Родевиль. Материк, на котором никто из ныне живущих так и не побывал.

– Многие современники пытались найти Татмос, – сказал герр Анистон, заметив сквозь свои толстые очки, как Гельфида внимательно изучает этот континент, – да только половина из них высаживалась на межземельные острова, где многих поедали чернокожие каннибалы.... А те, кому удавалось вернуться оттуда посчитали найденные земли не островами вовсе, а севером Татмоса... А другие миновали острова, но сгибали в тех водах, что разделяют Татмос и Межземельные острова. Ибо прокляты эти воды и соваться туда

не стоит.

— А было бы интересно попасть туда, — неожиданно проговорила Гельфида.

— Даже думать об этом не смей, — предостерёг её дед, — я знаю, какая ты неисправимая авантюристка, но все эти моря точно не для тебя. Ты мне живой нужна. Живой, здоровой и красивой...

— А я такой и останусь... Не волнуйся, дедушка, без твоего ведома я тебя не покину...

— Без моего ведома. — пробурчал себе под нос герр Анiston и продолжил. — Последним, кто посещал Татмос, были наверное Ульга Захеде да Лунный Владыка. Только уже две тысячи лет как они сгинули и мы ничего не сможем узнать.

— Что за континент под названием Неизведанные Земли? — поинтересовалась Гельфида, указывая на огромный материк, вдвое или втрое больше Родевиля, находящийся в противоположном полушарии.

— Не знаю. Никто не знает. На то они и неизведанные, что там никто ещё не был. Возможно, их там вообще нет, но я решил нанести гипотетические очертания, так как вероятно, что там всё же что-то есть...

— А почему там не может быть сплошной океан к примеру?

— Это будет суровая несправедливость к их полушарию... В нашем по крайней мере огромный Родевиль и Татмос... А там не может быть ничего... Очертания Неизведанных Зе-

мель придуманы мной самим, а так же я проигнорировал все острова, которые должны располагаться возле него. Зато Татмос, если он существует, изображён тут верно. Я его срисовывал с древних карт, когда мореплаватели ещё могли плавать туда...

Гельфида уже почти бросила слушать деда, так как окружающие гипотетические континенты её мало волновали. Спокойствие родного Родевиля стояло во главе всего, остальное всё уже – дело других. Она молча прошла в противоположный угол кабинета и уставилась на очередную штукку, предназначение которой ей было совсем не понятно. Но разобраться стоило.

Герр Анистон, поняв, что бесполезно дальше что-то рассказывать, вновь уставился в свои бесчисленные карты, разбросанные на столе... Минуту спустя он наконец прильнул к телескопу – главному аппарату во всей этой обсерватории.

Он был поистине огромным, этот телескоп. И увеличивал всё, если верить деду, в 66 раз. Настолько сильный телескоп был только в этой обсерватории. Нигде, даже отдалённо приближённого по мощности, не существовало в Родевиле. И наверняка не будет существовать лет ещё так сто.

Телескоп выглядывал прямо в большое окно, специально предназначенное для этого телескопа. Именно с этого ракурса лучше всего было видно звёздное небо. Гельфида приходилось заглядывать в этот телескоп несколько раз. Не с научной целью, а с целью излишней любопытности, которая

была присуща Гельфида в детстве(да и сейчас она мало чем изменилась).

Тогда она думала, что Луна, или Арддриим, видимая невооруженным взглядом лишь небольшим кругом, станет видна более отчётлива. И она увидит их леса, их города, и мифических обитателей – углуков. Но её надежды были убиты, когда она увидела ту же самую луну, что и раньше. Только большую в 66 раз, но с той же непонятной красноватой поверхностью...

Ничто не может помочь добраться туда, поэтому выдумка про углуком – просто глупость. Неимоверная глупость. В которую Гельфида перестала верить ещё лет в 14. Хотя натура её до сих пор была донельзя мечтательной, романтичной и с излишней склонности к фантазиям. Будто бы ей до сих пор 14, а не на 7 лет больше...

– Я так и думал, – пробормотал из-за угла что-то дед, но Гельфида по привычке проигнорировала его, продолжив рассматривать всевозможные вещи в обсерватории.

– Гельфида! – уже погромче сказал герр Анистон, и девушка на этот раз проигнорировать его не смогла.

– Что-то случилось? – спросила она, отложив обратно на место инструмент, похожий на то, чем пользуются зубные лекари.

– Подойди сюда, дорогая, – попросил он, и Гельфида не могла не заметить дрожь в его голосе.

Дрожь в голосе слегка насторожила Гельфиду, и ей не

оставалось ничего другого, кроме как послушать деда и подойти к нам. Тот наконец-то отпустил свой глаз от телескопа, и протерев его правой рукой, посмотрел им на Гельфида.

— Я не верил, что это возможно, но оказалось, что это так, — проговорил он.

— О чём ты?

— Всю неделю я смотрел в этот телескоп и собирал все имеющиеся доказательства... Девять Солнц выстроились в ряд?

— Чего? — сделала недоумённый взгляд Гельфида. — А что это значит?

— Только посмотри сюда, — и он предложил ей свой телескоп.

Гельфида медленно, с некой опаской, с которой она все время подходила к этому телескопу, прислонилась правым глазом к запотевшему стеклу. Поначалу ничего не было понятно, но потом изображение прояснилось и Гельфида увидела несколько звёзд, расположенных близко и в один ряд. Словно на небосводе они были нарисованы, а не находились там на самом деле.

Раз, два, три... восемь...

— Откуда девять? Я увидела всего восемь, — сказала девушке Гельфида, отпустив свой глаз от пугающего отверстия.

— Да всё очевидно — девятое солнце — наше!

Гельфида нахмурила взгляд, и представив в голове получившуюся картину, решила промолчать. То, что девять

солнц выстроились в ряд, её не очень удивляло. На ночном небе очень много звёзд, а с телескопом их открывается в десятки раз больше, так что мало чего должно быть удивительным.

– Это не означает конца света? – с немалой степенью сарказма спросила Гельфида.

По лицу герра Анистона стало понятно, как ему не понравились слова внучки.

– Можешь смеяться долго, пока не дослушаешь до конца то, что я сейчас тебе расскажу.

Неожиданно Гельфида почувствовал, какая тишина витала сейчас надочной обсерваторией. Возможно, тишина была и до этого, но Гельфида этого не замечала. Или не хотела замечать, потому что всегда ей приходилось то говорить, то слушать…

– Много лет назад, ещё до Последней Войны Аламонта и до рождения Лунного Владыки колдуном-шутником Аббасом был создан смешной артефакт – маленькое солнце с непонятными шарами, врачающимися вокруг него. Двумя огромными, двумя поменьше, четырьмя ещё меньше и бесчисленным множеством маленьких, обращающихся вокруг старших собратьев.

– Это Солнечная Система, – перебила деда Гельфида.

– Могла бы не перебивать. Две тысячи лет назад никто об этом не знал, кроме альвенов и Перворождённых. Аббас являлся как раз либо альвеном, либо перворождённым и знал

об этом. Этот подарок он преподнёс Королю погибшего Ненгара, в знак шутки.

— В чём заключалась шутка? — поинтересовалась Гельфида.

— В том, что игрушка являлась не просто макетом системы, а её настоящим отображением. Всё, что происходило с артефактом, происходило и на самом деле. Уничтожь на макете нашу Землю, она бы и в действительности погибла. А ты понимаешь, что могло бы случиться с артефактом в руках незнающего человека, пусть даже и короля? Нам повезло, что при дворе короля был астроном, который высказывал предположение о сферическом строении планеты... Он-то и попросил короля поосторожней пользоваться с артефактом...

— А при чём тут девять солнц?

— Гельфида, слушай дальше. Всему своё время. Маги Севера, узнав о шутке Абасса, обезглавили его, а его изобретение хотели отобрать у Ненгара. Но король отказался отдавать его, так как это был подарок. А подарки не возвращают. За что потом их страна поплатилась...

— Ненгар пал из-за этого? — спросила Гельфида.

— Это было одной из главных причин. Много лет спустя Лунный Владыка узнал об этом артефакте, который нарекли Глобусом Абасса. И он похитил его. Для этого пришлось сравнять с землёй весь огромный Ненгар, кроме небольшого поселения на юге, но это другая история. Лунный влады-

ка провозгласил себя первым Хранителем Глобуса Аббаса и заколдовал его так, что пользоваться артефактом мог только один человек, рождённый в день начала становления 9 солнц, или человек, убивший его.

— Так он хотя бы оградил Глобус Аббаса от нежелательных рук.

— Наверное единственный положительный пункт из его жизни... Глобус, или по-другому Путеводитель являлся активным только в течение парада этих самых девяти звёзд, который длится от 50 до 100 лет. Со смертью Хранителя власть над Путеводителем переходила его сыну или дочери. А затем, когда парад кончался, Путеводитель становился никому неподвластным ещё на несколько сотен лет...

Гельфида опять же решила обдумать всё только что сказанное дедом, но в голове мало что укладывалось. Все эти Путеводители и Глобусы Аббаса если и выглядели prawdopodobno, то только в образном смысле. Как древняя реликвия, в которую какие-то древние друиды якобы заключили необыкновенную силу. Гельфида показалось, что сила, якобы заключённая в Путеводителе необыкновенно огромная, а значит заведомо почти невозможная...

— После того, как Лунный Владыка завладел Путеводителем, все упоминания о нём надолго закончились. Наверняка он жил дольше парада 9 звёзд, а значит своим сыновьям скорее всего не передал и никто из них не владел этой реликвией... Около тысячи лет назад Путеводитель был най-

ден. Как найден и его Хранитель. Тогда и появилась эта обсерватория. Которая в то время была ещё и крепостью. Тогда мы забрали Путеводитель и берегли его как могли. 76 лет берегли и всё-таки смогли уберечь... Тогда-то это место и стало обсерваторией, а так же священным орденом Девятого Солнца. Каждый проживающий здесь даёт клятву, что будет оберегать Путеводитель любой ценой.

— Это место — старинный и священный Орден? Ха-ха... Если это место и похоже на что-то, то точно не на орден... Орден Девятого Солнца...

— Конечно, всё это время Ордену и не требовалось существовать. Сама подумай — для чего? Для лишних ушей? О Путеводителе и так тогда узнало слишком много, и его похитили у нас, к счастью он был тогда неактивен. В ходе долгих распрай из-за него он оказался у герра Сёгмунда в его Академии.

— Сёгмунд, — начала вспоминать Гельфида, — старый и в очках... Солнечная Академия... Совсем недалеко. Академия магии и он её ректор?

— Молодец, Гельфида, что ещё помнишь то, как этот замечательный человек наведывался ко мне в гости...

— Я была совсем мала, — сказала Гельфида, — мне было не более десяти лет, и профессор показался мне очень смешным. Я хотела над ним пошутить, пока он спал, но не получилось.

— И это очень хорошо, потому что Сёгмунд этого не лю-

бит. Он мой друг, и ссоры с ним я до сих пор не желаю.

Гельфида до сих пор помнила то появление герра Сёгмунда в Обсерватории Анистона около 12 лет назад. Её удивило то, что от староватого Сёгмунда вкусно пахло шоколадом и фиалками. Тогда Гельфида хотелось понюхать Сёгмунда поближе, но потом, поняв, что ей примут потом за дурочку, передумала.

Дед и герр Сёгмунд тогда разговаривали о каких-то странных и взрослых вещах. Но ни слова о Путеводителе она тогда не услышала. И дело не в том, что она была мала и это было давно. Просто не слышала.

– А он до сих пор жив? – поинтересовалась Гельфида.

– Да, он жив, и вполне себе хорошо себя чувствует. Хотя ему должно быть уже больше восьмидесяти пяти. И я рад сообщить то, что он понятия не имеет об Ордене Девятого Солнца…

– К чему ты это говоришь?

– К тому, что клятвой связан каждый, живущий в этой Обсерватории. Ты связана клятвой, Гельфида…

– Не может быть – я не давала никакой клятвы.

– Ты и не обязана была давать её. Я дал её за тебя. Точнее за всех своих потомков… Потомком моим ты и являешься.

Вот так поворот. Гельфида сама того не желая, уже участвует в какой-то секте. Неужто и дед её тоже полуобезумевший фанатик? А ведь всегда казался адекватным и серьёзным человеком! Нет уж, эти новые приключения не для

Гельфиды... уж лучше плавания в поисках Татмоса или Неизвестных Земель!

– Дед, я не очень хочу ввязываться в ваши дела с девятью солнцами или чем там ещё...

– На данный момент в Ордене состоим только ты и я... А дело намного сложнее, чем ты думаешь. В прошлый раз чуть было не началась война за право владения Путеводителем! Я же говорил, что смерть предыдущего Хранителя делает Хранителем убийцу!

– Ну а чего я теперь должна сделать?

– Нам нужен Путеводитель, – невозмутимо ответил герр Анистон. Сейчас он был совершенно не похож на себя, и Гельфиде хотелось назвать его именно «герр Анистон», а не «дедушка».

– Ну и ищите его!

– В ордене всего двое – ты и я! А я стар! Нам нужно получить Путеводитель в быстрые сроки, и чем незаметнее, тем и лучше. Совсем скоро все узнают о параде Девяти Солнц! И начнётся война! Которая закончится концом света!

Гельфиду просто убивало то, насколько фанатично дед сейчас распинался об опасностях, которые грозят с этим парадом. Какая-то неведомая игрушка, Путеводитель или глобус Аббаса. Да просто нереально, что она может сделать! Ни одна из войн ещё не привела к концу света, а тут какой-то глобус!

– Так пусть герр Сёгмунд тебе и отдаст этот Путеводитель,

если он тебе такой хороший друг!

– Извини, внучка, но ты не знаешь герра Сёгмунда, – сейчас герр Анистон был необыкновенно жив, как никогда, – этот старый герой думает, что он сам вправе владеть этой штукой, что он сможет защитить Путеводитель от кого угодно, будь то хоть десять тысяч орков, хоть сотни драконов! Со своими волшебниками-недоучками, которых он обучает!

– Сейчас наверное, ты решил, что он не сможет, а ты сможешь! Рьяно утверждая #184; что в ордене осталось всего двое!

– Сейчас двое, но к исходу месяца будет больше! Четыре-ста лет назад именно наш орден уберёг Путеводитель! Наш, а не чей-то другой! И сейчас всё будет так же, ибо Обсерватория является неприступной крепостью. Если оснастить её опытными воинами, она будет неприступна...

– Значит, ты хочешь, чтобы я добыла Путеводитель, да? А для этого я наверное должна убить твоего друга герра Сёгмунда и половину его волшебников-недоучек?

– Не думаю, что у тебя получится... Тебя учили воровать, не скрывай этого. Я для этого и нанимал твоих учителей, чтобы они тебе научили, если вдруг пригодится!

– Значит я отказываюсь.

– Нет, – невозмутимо ответил дед, – извини, но это приказ.

– Приказ? – Гельфида не могла в это поверить.

– Не удивляйся. Я командующий этим орденом. Если

угодно, твой Лорд. И ты обязана подчиняться мне... Гельфида, урождённая Анистон, дочь Георега Анистон и Леи Анистон – приказываю тебе ценой твоей жизни или смерти достать и принести мне Путеводитель...

Гельфида недоумевала от сказанных дедом слов. На Лорда командующего он похож был меньше всего, как и его Обсерватория на Крепость Ордена Девятого Солнца...

– Я обязана повиноваться? – спросила Гельфида.

– Да... Сёгмунд говорил мне, что Путеводитель находится на крыше Академии, в которой семнадцать этажей. Я думаю, что тебе удастся миновать их. Никакой стражи Путеводителю не полагается, так как Сёгмунд считает самого себя лучшей стражей, и его кабинет находится около той самой крыши. Не упусти момент – не дай заметить себя Сёгмунду, иначе не получится ничего...

Гельфида молча опустила голову. Не потому что она боялась предстоящего задания – это дело представлялось для неё сущим пустяком. Её настороживал сам факт того, что она участвует в этом. Ей показалось, что всё может зайти намного дальше обычного похищения. Ведь если вслушаться в слова дедушки о том, во что может перейти борьба за Путеводитель, это и есть так. Потому Гельфида хотелось просто избавиться от нежеланного задания и уйти прочь... Туда, где её не сможет найти никакой Орден Девятого Солнца, никакой Аббас со своим глобусом(даже девятым), и даже никакой герр Сёгмунд, смешной, но такой раздражительный...

Геррер

Его звали Геррер, и он почти неподвижно сидел в самом углу Таверны дядюшки Кюрия. Его суровые черты лица гармонично скрывались за большим, но обтрепанным капюшоном, и мало кто мог их досконально разглядеть при таком тусклом свете...

Человек не торопясь покуривал трубочку, набитую дешёвым табаком, и делал вид, что кого-то очень ждал. Хотя разумеется Геррер никого тут не ждал, да и некого было ему тут ждать. Он лишь проводил тут своё свободное время, которого было не так уж много, да и тратил последние гроши, те, что у него остались.

Так и сейчас – он взял на свои последки две больших кружки не самого лучшего пива, к тому же ещё и тёплого. Но он попивал его пусты и с монотонным выражением лица, но всё же с долей удовольствия. Которую, правда никто не мог заметить...

– Вы ничего больше не желаете? – подбежала молоденькая служанка к Герреру, явно стараясь ему во всём угодить.

– А ты разве не видишь, что я ещё и первую не допил? – грубым и сухим ответил ей мужчина.

– Может быть вы хотели бы чего поесть? Мало кто может устоять перед моей яичницей.

На этом слове служанка страстно облизнула губы, выра-

жая якобы удовольствие от придуманной яичницы. Геррер понимал всё, что она хочет... Но больше всего не хотел сейчас именно этого.

— Я не голоден, — стиснув зубы и отвернув от девушки голову, сказал Геррер, явно давая этим понять свои намерения...

Хмыкнув, служанка мигом убежала, не оставив за своим пребыванием никакого малейшего следа. Геррер был очень рад этому известию. Его всё выматывало за свои дни и он не хотел никакого общения, никаких лиц рядом и тем более никаких девушек.

Хотя если Геррера побрить и одеть в более пристойные одежды, то спокойно можно было его назвать и красивым мужчиной. Не принцем конечно, но всё же очень приятным для глаза. На вид ему не было более тридцати двух. А точнее ему было двадцать девять, пусть щетина и чуть скрывала его истинный возраст.

Он не думал о своей внешности — пусть этим занимаются аристократы. Геррер думал только о том. Как правильно жить и выживать. Он не имел огромного достатка, поэтому каждая монетка, пришедшая ему в карман, имела для него огромный толк.

Но Геррер был рад спустить её сюда, в таверну на пиво. Не именно в эту таверну, а совершенно в любую. Ведь Геррер не имел постоянного места жительства, а потому постоянно находился в разных городах. Временами даже в странах...

Тут, в таверне дядюшки Кюрия, он появлялся всё же чаще всего. И место, за которым он тут сидел, было его излюбленным и постоянным. И мало кто в отсутствие самого Геррера садился сюда.

Геррера не считали тут чужаком, но мало кто знал имя этого человека. И очень мало, кто слышал его голос. В этом месте Геррер не общался ни с кем. Он просто сидел на самом отдаленном месте в одиночку и следил за тем, что происходит тут.

Вон там вон – в другом углу – сейчас развязается драка. Что-то не поделили между собой два безумно пьяных мужика. Наутро они даже не смогут припомнить, что именно, да и вообще могут и не узнать об этой потасовке.

Драка, как понял Геррер, так и не успела начаться, от того, что один из мужиков под грузом своего пьяного тела и неконтролируемостью своих пьяных ног рухнул прямо на стол, уставленный стаканами и тарелками...

Что ж – не повезло ему... Убыток, который понесёт трактирщик за это, будет выплачен из кармана этого самого мужика. Который ещё с утра будет недоумевать, почему именно он, а не кто-то другой. Но потом со всем смирится, помирится и со своим оппонентом, и с трактирщиком, и будет так же дальше приходить сюда ежедневно, снова что есть сил напарываться и непременно ломать...

Ну а сейчас домой – спать. С этой целью его и потащили куда-то его друг и один из охранников-вышибал. Сам

этот мужик встать был уже никак не в состоянии. Он и говорить-то уже не мог, что-то пытаясь бормотать под нос. Но ничего не выходила. Ох и рада же будет его «благоверная» такому вот появлению мужа. Настолько рада, что огреет его несколько раз сковородой или палкой, после чего заботливо уложит его спать. Всё-таки любит его до сих пор. Не зря же трех детей от него нарожала. Может и больше – Геррер об этом не знал. Всё это были лишь его догадки. И вообще ни о чём они не говорили…

Табак в трубке у Геррера кончился, а потому он приступил к пиву, сделав один большой и глубокий глоток. Пиво в первой пинте закончилось, а потому можно приступить и ко второй.

Пиво в этой таверне не сказать что было самым лучшим. Скорее просто самым выгодным по цене. От того что тёмное привозили сюда не гномы из подземелий, а делали прямо в деревнях на их пивоварнях. А светлое поставляли сюда не лесные эльфы, а брали его вообще невесть откуда… Но народ не жаловался – его сюда приходило ото дня в день очень много и прибыль постоянно капала в карман хозяину трактира. Наверное, зажиточным человеком он являлся, и в жизни не имел много трудностей. Даже таких, как у Геррера.

Народ постоянно ходил тут туда-обратно и постоянно о чём-то галдел. Это точно не было местом для серьёзных раздумий. Так как думать под такое вот собрание инородных и непонятных звуков не представлялось возможным.

В таверну почти незаметно вошёл, возможно даже про крался человек, который был очень знаком Герреру. Но толпа проходивших мимо людей не давала разглядеть его лицо, оттого Геррер всё никак не мог понять, кто же это.

Он очень выделялся из толпы своей ухоженностью. Ведь это место больше предназначалось для простолюдинов, которые пришли сюда отдохнуть после тяжёлого рабочего дня...

А эта личность была одета в длинный шитый зелёный плащ, возможно даже эльфийской работы и красные дорогие сапоги из бычьей кожи. Он был аккуратно и гладко выбрит, а так же аккуратно причесан. Его белые прямые волосы были гармонично зачёсаны назад, придерживаемые какой-то черной лентой.

Чёрт подери, да это же Ферцен! Геррер просто не мог не узнать его, пусть и не видел его лица уже почти два года! Оно ведь всё равно за это время ничем не изменилось. Изменилось только его одеяние – из строгого гвардейского в элегантное аристократическое. Он ему походило намного больше, чем старое, но Герреру всё же не нравилось... Хотя какая разница, в чём ты увидел своего старого друга?

Ферцен, словно шальной, ходил вокруг да около, выискивая себе свободное место, и не замечал Геррера. Тот впервые за долгое время натужно улыбнулся и промолвил:

– Вы верно ищете свободное место, молодой человек?

Ферцен обернулся не сразу, а только тогда, когда понял,

что слова адресуются ему. Всё-таки этот малой так и не изменился за то время, что не виделся с Геррером. Всё такой же растерянный и смешной... И сейчас его глаза были буквально выпучены от изумления.

- Здесь свободно, – ещё раз произнёс Геррер.
- Геррер, – произнёс Ферцен, – ты?
- Ферцен... Конечно я.

Ферцен в исступлении кинулся на шею другу и долго обнимал его, пока эмоции всё-таки не утихли. Геррер и сам был нескованно рад такой встрече, хотя и не так яро показывал свои эмоции. Всё-таки его образ это ему не позволял.

- Как ты тут оказался? – спросил Ферцен, подсаживаясь на лавку напротив.
- Я частенько бываю тут, но тебя почему-то тут не видел...
- Да я тут почти не бываю... Не очень нравится это место... хотя всё-таки довольно уютно.

Геррер всё больше и больше вглядывался в Ферцена и не переставал удивляться. Он нисколько не изменился. И он не был гладко выбрит, как могло показаться раньше. Нет же! У него просто не было бороды! Были несколько бесцветных смешных волосинок на подбородке и ничего более... Всё точь-в-точь, как было тогда, в день их знакомства.

- Я тебе поражаюсь. Раньше за милую душу в таких заведениях уплетал всё, что угодно, а сейчас...
- Нет, я не презгую, – не дал договорить другу Ферцен, – просто могу позволить себе лучшее.

Даже тут Ферцен не изменился... Всё так же хвалится тем, что чего-то добился... Делает из себя зажиточного интеллигента... Правда вот, плохо получается.

– Что же тогда ты сейчас сюда пришёл?

– Сегодня не так много денег, – произнёс Ферцен, – и к тому же я говорил, что тут весьма уютно... Где служанки! – громко крикнул он.

В этот же миг к нему подбежала та самая молодая девушка, что несколько минут назад обхаживала Геррера. Сейчас же она намного суровей глядела на него, будто намереваясь ему чем-то отомстить. Только вот непоколебимый взгляд Геррера в чём-то даже усмехался.

– Что изволите отведать? – всё так же, с изображенной нежностью спросила она.

– Два пива... Мне и моему другу, – произнёс Ферцен, своим голосом явно пытаясь ей понравиться.

– Какого именно?

– Знаешь... А давай-ка любого. Неважно какого. Я плачу!

Геррер ещё раз улыбнулся, глядя на друга. Он не переставал его и смешить, и удивлять. Ферцен явно пытался понравиться Герреру и сверкнуть каким-то новым положением. Каким же, интересно?

– Ты не подражаем, друг, – пробормотал Геррер.

– А она хорошенъкая, – ответил Ферцен, – я к ней ещё приду как-нибудь...

– О да... Как поживаешь, старый друг? Мы так и не удо-

сужились это спросить друг у друга...

— Вполне хорошо, — ответил Ферцен, — видишь, даже де-нежки начали иметься. Только вот после твоего ухода из гвардии как-то не так стало... Без тебя там явно чего-то не хватает.

— Давай только не будем об этом, — махнул рукой Геррер, — то решение я обдумывал долго и сделал правильный выбор. Я просто-напросто исчерпал себя там... Оставил за собой всё что мог...

— Тебя никто за это не осуждает... Я и сам покинул её. Правда, не так давно, как ты, а всего лишь три месяца назад, но уже вспоминаю её как будто давно позабытое.

Вспоминая Ферцена как бойца, Геррер подумал, что Гвардия мало что потеряла с его уходом... Вот когда уходил Геррер, гвардейцы действительно переживали. И не делали вид, что переживают, а действительно переживали. Оттого, что Геррер всегда был одним из самых лучших. Нет, не в силе и не в технике владения оружием(хотя и там он был далеко не промах). Козырем Геррера являлась его рассудительность, педантичность и точность. И она зачастую всех поражала.

Ферцен всегда стремился к нему, но даже близко у него это не получалось. Он сносно обращался с клинком, хорошо стрелял с лука, но почему-то ему всегда это мало чем помогало. Место Ферцену было не на поле боя, а во дворцах, на должности вельмож. Только вот из-за скромного происхож-

дения места Ферцену там бы точно не нашлось.

— Вот так вот и прекратили мы своё обитание в Гвардии, — сделал заключение Геррер, — а ведь если разобраться, там можно много что веселого вспомнить...

— И на несколько минут даже снова вернуться туда, — продолжил Ферцен.

— А ты прав... Былую молодость вспомнить...

— Молодость? — удивился Ферцен, — а ведь мы... А ведь ты... Действительно стал старше. И не брился наверное пару недель...

— Чего не скажешь о тебе, — усмехнулся Геррер, — всё такой же, как в день нашего знакомства.

— Хватит подшучивать надо мной... Мне тогда было не более пятнадцати, а ты был на три года постарше. Я должен был измениться с тех пор...

— Ну конечно мы изменились, — хлопнул друга по плечу Геррер, — и ты и я...

В это время к столику подошла служанка, снова строя глазки Ферцену. Тот отвечал ей взаимностью, только Геррер не понимал, хорошо ли у него получается или нет. Во времена работы в гвардии Геррер не вспоминал, что у Ферцена были какие-то связи с девушками.

— Поставь сюда, — сказал ей Ферцен, переведя взгляд куда-то пониже её подбородка.

Девушка аккуратно поставила две пинты пива на стол, окинув ещё раз Геррера своим недовольным взглядом. У неё

это плохо получалось, даже вызывало у Геррера смех. Эта особа была проста, как неизвестно что и казалось, что даже думать не может. Безусловно, в голове у неё что-то было, но что-то не очень целесообразное.

О да, он потерял такое счастье при помощи своей грубостью... Даже неизвестно, что теперь делать. Пора искать ве-ревку и мыло. А то под хмель Герреру очень хорошо удается думать о всякой чепухе. Непристойной для его сурового образа...

— Честно, за последнее время так много всё изменилось, — вдруг начал Геррер.

— Не спорю, — ответил Ферцен, делая солидный глоток свежего светлого пива, — только я удивляюсь, почему все эти два года я нигде не видел тебя?

— Знаешь, у меня к тебе такой же вопрос, — с улыбкой ответил другу Геррер.

— У меня всё гораздо проще. Я всегда был в этом городе, в Гвардии. Меня не так сложно было найти. Я практически всегда был в этом городе...

— Тут ты прав, — ответил Геррер, — а я словно странник, скитаюсь по всему Королевству, и не имею постоянного места жительства...

— Как ты дошёл до такого? — содрогнулся Ферцен.

— Это мой выбор, я сам его выбирал. Ты же знаешь, что в Королевстве у меня нет ни единого родного человека. А разыскивать их на востоке мне не очень охота...

Да и не в желании вовсе дела, а в возможности. Куда должен был отправиться Геррер, чтобы найти себе пристанище? Уж не на Дьявольские ли острова? Или куда ещё похуже... Увы, Геррер не помнил, где его Родина. Он оказался в Герколе в совсем ещё детском возрасте, когда самое сложное, что он мог запомнить, так это своё имя. Ну а позже от кого-то узнал, что попал сюда с восточных земель... Так что выбор там не ахти какой большой – на востоке по большей части обитают эльфы и гоблины, ну и в малых частях подземные эльфы и люди... Люди, а точнее их варварское проявление преобладает на островах Алмакидах... Есть все шансы, что Геррер является как раз варваром с востока.

Другое дело Ферцен – утончённая особа, как могло бы показаться с первого взгляда. С первого взгляда можно было бы и подумать, что этот человек происходит из дворянской знати. Но это было далеко не так. Семья Ферцена перебралась жить в Геркол, когда Ферцену исполнилось целых семь лет. До этого они обитали в небольшой деревеньке неподалеку от города, и вели образ жизни, характерный как раз для деревни – разводили скотину, вспахивали землю – в общем трудились изрядно, с утра и до вечера...

– Я бы сам с радостью вернулся сейчас в семью, – сказал Ферцен, – но не сделаю этого, пока не накоплю много денег. Я очень хочу помочь семье. Родители уже стары – мать с трудом встает с кровати, а отцу не дает покоя злосчастный кашель... Вот до чего довело его курение...

– У тебя хотя бы есть родители, – с ностальгией промолвил Геррер, сделав ещё больший глоток пива, как будто он помогал ему забыться.

– Не переживай, друг, – придёт время и ты сам найдёшь своё пристанище и будешь счастлив…

– А ты счастлив сейчас? – неожиданно спросил Геррер, словно перебив Ферценя.

– О чём ты?

– Ну, как ты мне сейчас рассказываешь, ты начал богоатить…

– Ты про это? Я даже не знаю, что ответить тебе… Это намного лучше того, что было в Гвардии. В гвардии был святой долг, но слишком мало денег. Мы боролись не за себя, а за престиж государства. И прежде всего за Короля…

– Воля Короля непреклонна, – промолвил Геррер, – и будь я поданным этой страны, следовал бы слепо ей до сих пор. А сейчас блуждаю даже в карнарских землях, но постараюсь находиться подальше от тамошних владык…

– С Королём ты всегда был в хороших отношениях…

– Можно сказать, даже дружественных, – продолжил Геррер, – но он никогда меня не слушал. Всё время гнул свою линию. Даже если сомневался в себе же. Тот лишь факт, что он король, не позволял ему кого-то слушать.

– В Гвардии ходили слухи, что ты ушёл из-за него…

– Про тебя, Ферцен, я уверен, сейчас там тоже немало слухов ходит. Ты же тоже ушёл…

— Увы, моя ценность в Гвардии была ограничена. В отличие от твоей. Зато сейчас моё место в жизни гораздо важнее, чем было раньше.

Геррер понимал, что Ферцен сейчас ходил всё вокруг да около, и не осмеливался прямо сказать, чем же он сейчас занимается. Геррер, конечно очень сомневался, что Ферцен связался с преступностью — ему это совершить не позволила бы та же совесть. И смелость, коей в Ферцене было не так уж много...

— Уж не связался ли ты с бандитами? — решил пошутить Геррер.

— Я не знаю, — ответил Ферцен, и этот ответ немного удивил Геррера.

— Как?

— Жизнь научила меня только получать деньги, не задумываясь, откуда они... Знаешь ли, чем меньше знаешь, тем крепче спиши... Это и ко мне относится...

— Я бы на твоём месте был бы поосторожнее, — предостерег Геррер, — не шути шутки с тем, кого знаешь не так долго...

— Я предельно осторожен... Мои намерения направлены только для моей семьи... И стоит только заподозрить что-то неладное, я прекращу всё это.

— Какую же работу ты выполняешь? — спросил Геррер, хотя и понимал, что Ферцен не очень хочет отвечать на этот вопрос.

— Непыльную... Я очень осведомлён об этих местах, а также о северном Королевстве. Потому я помогаю иностранцам в изучении многих мест... Тех, о которых они хотят знать...

— А не кажется ли тебе это странным, друг мой? Это что, их чисто любознательный интерес? Не думал ли ты никогда, что они что-то ищут тут?

— Думал, — невнятно ответил Ферцен, — но это не моё дело. Я тебе уже об этом говорил. Я получаю деньги и молчу! Молчу и никто больше не знает о том, кто я и чем занимаюсь.

— Не заводись... Не к месту. Просто я рекомендую тебе быть поосторожнее...

— Об этом я и сам знаю!

— Верю тебе... Можешь ли хотя бы для примера привести то, что именно ты им рассказываешь?

— Нет! Я же не расспрашиваю тебя о твоем работе. Хотя мне временами тоже очень интересно где ты обитаешь и чем промышляешь...

— Можешь успокоиться, — сказал Геррер, — я никого не убиваю...

— Я тоже! А значит, совесть моя чиста и никто...

— Но ты же боишься закона, — чуть тише сказал Геррер, и по взгляду Ферцена понял, что сказал он чистую правду.

— Не в этом дело, — перевёл разговор Ферцен, — а в том, что закон сильнее меня. И сильнее тебя, если на то уж пошло.

Геррер решил не отвечать, а только понимающие кивнул, отпив снова пива. Третья его пинта была полна лишь наполовину.

вину. Однако в мозгах Геррера хоть и присутствовал хмель, но совершенно в небольших количествах. В отличие от Ферценя, который даже не допив свой первый бокал, смотрелся попьянее друга.

Может быть и в голове его заплутался хмель, но язык он ему не развязывает. Что-то он тщательно скрывает. Раньше, во времена работы в Гвардии, Ферцен после одного бокала тёмного бокала рассказывал все свои тайны, важные и неважные. Даже временами таким образом и становился душой компании. То были славные вечера отдыха, когда бравые гвардейцы, собравшись возле костра и сняв надоевшие доспехи, сладко потягивали пиво и разговаривали о чём-то хорошем. Тогда их суровые военные маски снимались и все они на какое-то время становились людьми. Не теми бездушными инструментами, стоящими на страже или на блокпосте, а просто настоящими... Такими, какими их родила природа, а не сделала Королевская Гвардия.

— Только не стоит думать, что закон сильнее всего, — произнёс Геррер и тут же резко обернулся.

Дело в том, что в дверь раздался резкий удар, и она растворилась изнутри. Она буквально слетела бы с петель, получив бы хоть немного более сильный удар.

На пороге стояли трое одинаково одетых мужчин в красных капюшонах и белых плащах. Двое из них, что стояли слева и справа сжимали в руках заряженные арбалеты, и поочерёдно направляли их на всех посетителей таверны, чтобы

те не вздумали вскочить своих мест.

Геррер был ошарашен таким поведением этих лиц, но первым напасть не смог. В конце концов никто не знал, с какими намерениями они здесь. И совершенно точно можно было утверждать, что это не закон. То, о чём только что сказал Геррер практически воплотилось в жизнь. Есть ли что-то сильнее закона? Скорее всего есть и сейчас они находятся на пороге этой таверны.

Все посетители медленно расступались, когда эти трое пробирались мимо них. Девушка, разливающая пиво, вообще неуклюже спряталась за ту самую бочку, откуда виднелись только её ноги. А пьяный мужчина, который уже плохо понимал, что тут происходит, забрался на стол, и словно военнопленный поднял руки вверх.

Однако эти трое полностью игнорировали всё, что тут происходит. Так как направлялись они именно к столу, где сидели Ферцен и Геррер. Только сейчас начала ощущаться их волшебная притягательность. Будто бы манило от них чем-то неведомым... Тем, что нельзя описать.

– Сомнения не подвели, – монотонно произнёс средний, тот, что был без арбалета, – Ферцен здесь.

– Что происходит? – в бешенстве воскликнул Ферцен.

– Именем закона, ты арестован.

Монотонный голос чужака так и не менялся. Несмотря на то, что голос был нисколько не груб и не хрипл, было в нём что-то то, что делало его владельца старше, чем он выглядел

на самом деле. Хотя сквозь низко опущенный капюшон прослеживалось, что чужаку было не больше 27–28 лет... Может быть всё это только иллюзия, но она давала о себе знать.

— Я не понимаю, о чём вы? — не мог успокоиться Ферцен.

— Я думаю, что ты знаешь об этом больше чем я. Поэтому именем закона...

Геррер не выдержал и вскочил со своего места:

— Законом в этом городе правит только Королевская Гвардия!

В руках Геррер уже держал невесть откуда появившийся блестящий кинжал. Тот самый, которого его так и не смогли лишить после ухода из Гвардии. Хотя по правилам всё это было королевским имуществом и должно было быть возвращено обратно...

— Если бы у тебя был хотя один малейший шанс в битве с нами, я бы принял бой...

— Не сомневайся, я его найду, — плавно промолвил Геррер.

Чужак впервые совершил что-то наподобие улыбки. Приследились его идеально белые и ровные зубы. Интересно, как он за ними ухаживал на протяжении всех своих лет?

— Садитесь! — произнёс чужак, глядя прямо в глаза Герреру.

Словно какое-то наваждение случилось, но оно заставило Геррера безропотно сесть обратно. Ему казалось, что в глазах иноземца на какое-то время загорелся жёлтый огонёк, через полсекунды потухший, но оставивший за собой нема-

лый след.

— Я не понимаю, что вам от меня нужно? — не переставал униматься Ферцен, даже когда его поднимали с насиженного места два чужака, убравшие арбалеты. Но на их спинах всё же грозно красовались по чуть изогнутому мечу в великолепных ножнах.

— Слово Кодекса, мы не нанесём тебе вреда во время ареста, но про углуков узнаем всё. — произнёс чужак, и тон его заставлял поверить в эти слова...

— Кто вы и зачем? — чуть слышно спросил опешивший Геррер.

Чужак медленно остановился, и чуть обернувшись, произнёс, эффектно сняв капюшон:

— Я Клай. Клай Вурраэ.

— И он протянул Герреру руку — тот акт, который от него точно никто не ожидал. Следя понятиям настоящего мужчины, Геррер пожал её, хотя бы не стал скрывать, что делать ему это отнюдь не хотелось. Имя своё он называть не стал, так как это было явно незачем. Друзьями они с Клаем уже не станут, и вообще вряд ли ещё когда-нибудь увидятся...

Геррер молча проводил троих взглядом. Он отлично понимал, что ничего не сможет сейчас сделать. Только сидеть и смотреть, как уводят друга... Это рассудительность никогда его не губила. Накинься он сейчас в открытый бой — не выжил бы. Троица неплохо вооружена, и похоже, что неплохо владеет тем, что имеет... Так что Геррер мало того что

не спас бы Ферцена, так ещё и сам бы тут же полёг. Его тело сразу бы унесли куда-нибудь, и вся таверна забыла бы об этом случае... Как будто его и не было...

Солон

Далее действие переносится на север от Геркольского Королевства, называемого иначе Ларманией, по имени своего античного героя, прожившем несколько сотен лет назад там... Переносится в соседнее королевство, Карнарию со столицей в городе Аглун Хед. Вообще-то когда-то эти два государства были единым и носили название Великого Геркола, Страны Трёх Великих Обителей. Но с тех пор уже минуло так много лет, что только одно упоминание об их количестве может привести в ужас.

Это было даже ещё до великой Последней Войны Аламонта, изменившей всё. Изменившей мироздание и отношение ко всему остальному. Даже тогда, как получается это были две разные страны... С чего всё начиналось? Мудрейшие могут сказать, но их сейчас не сыскать... Наверное с того, что страна начала разделяться на провинции, в каждой из которой постепенно устанавливался свой порядок и своя обыденность. Так, судя по всему, и разделились на южан и северян. Войн в те времена никто не припоминает, получается, что всё тогда обошлось мирно и без кровопролития...

И в действительности, минуло уже очень много лет, а разница между северянами и южанами не менялась. Менталитет менялся только совсем чуть-чуть, но всегда только в одну сторону... Карнарцы всегда смотрели будто бы сверху на

своих южных соседей, ощущая их более низкой расой, нежели они сами. Они, даже, наверное, радовались тогдашнему разъединению. Иначе они бы стали такими, как южане...

Не сказать бы, что северяне просто ненавидели своих южных соседей, и считали их за отброс общества. Они по-прежнему были в хороших отношениях друг с другом, по-прежнему взаимосвязь между королевствами была наиболее значимой для других...

Дело в том, что чисто от природы у северян было больше высокомерия. Они считали именно себя первыми поселенцами Родевиля – единственными чистокровными людьми на этой земле. И действительно, на карнарской территории почти всё население являлось людским. Пожалуй, из остальных тут обитали только тёмные эльфы, да и те лишь в рабстве у богатых баронов...

А ларманцы были более гостеприимны. Не зря же ведь во времена Великой Войны их называли Страной Мира. Ибо сюда стекались все расы этого мира, и чувствовали тут себя довольно комфортно... Да о чём тут говорить – сам король этой страны являлся наполовину эльфом, а наполовину представителем другой, какой-то древней и ныне почти вымершей расы...

А отсюда и причины этого лёгкого недолюбливания: люди не очень любят тех, кто отличается от них. Древность помнит много войн между людьми и другими расами. Сейчас, конечно такую войну трудно представить – людей стало слишком

много, гораздо больше, чем эльфов и гномов – двух рас, что некогда составляли серьезную конкуренцию с людьми...

«Южане были словно дики для северян. Не такие, как восточные дики, а чуть проще. Южане, наверное, умеют только пить и драться. Ни о какой высокой культуре у них не может идти и речи. Они её утратили тогда же, когда утратили и нас. Сейчас это просто затхлая страна анархистов. И им никогда не достать до нас».

Конечно это было просто провокационное высказывание, до такого редко как доходило. Но именно так думал профессор Сёгмунд и именно это он втолковывал своим многочисленным ученикам. Те внимательно его слушали, и некоторые даже соглашались с его мнением, но некоторые попросту не воспринимали его как данность...

Причиной такой дискриминации Сёгмунд считал свою великую силу. Неизвестно, действительно ли это было так, или просто он слишком зазнавался, но до должности ректора Солнечной Академии он дослужился. Вернее сказать, даже не дослужился. Он сам основал тут Академию сорок пять лет назад, когда бушевавшая в то время Инквизиция повзрыва-ла другие школы.

В действительности, Солнечная Академия была не такой уж и солнечной. Солнце в этих краях было нечастым гостем. Гораздо больше сюда любил «захаживать» снег. И туманная погода являлась здесь настолько обычным явлением, что все к ней давно привыкли.

Конечно, Солнечная Академия находилась в самой северной точке Карнарии. А север и так далеко не самых жарких земель обещал быть именно таким. Наверное, это было идеальное место для размещения Академии – на краю Королевства, как раз там, где было меньше всего поселений. Границит с Латьенскими землями – но все знают, что сейчас они полупусты... Никто сюда не сунется – ни случайные разбойники, ни Пресвятая Инквизиция. И хотя у профессора Сёгмунда есть разрешение на обучение волшебству, лишний раз видеть их лица вовсе не хотелось.

Никто из бывших коллег тут не беспокоит Сёгмунда – и он спокойно может дописывать свои многолетние труды. Пособия для обучения магии, природа магии и что-то подобное в этом роде... Быть может в будущем, эти книги будут очень полезными для цивилизации, но сейчас никто о них, кроме самого профессора и его некоторых приближенных, о них не знает.

Колдовская академия была единственной в западной Карнарии и профессор Сёгмунд очень гордился этим. Он считал себя просветителем, буквально спасителем этих земель и никогда это не скрывал. Он думал, что все обитатели Академии обожают его и возносят к небесам, словно бога.

В свои восемьдесят семь лет он просто отлично себя чувствовал, и ощущал, что может прожить ещё не менее двадцати лет. Он не употреблял омолаживающие зелья, которые по его мнению «омолаживали тело, но старили душу». Сёгмунд

пользовался снадобьями, сваренными им же самим и ни кем другим. Но это были не более чем витамины, напиток для поддержания тонуса.

Кабинет профессора находился на самой верхушке гигантского семнадцатиэтажного здания Академии, там же он и жил. Выходил оттуда редко, так что ходить ему много не приходилось. Разве что только провести пару лекций в неделю, да произвести осмотр этажей здания. Все нужные люди сами приходили в кабинет к ректору сами.

Люди! Да, именно люди и никто больше! В Академии не было ни единого эльфа, и уж тем более гнома или представителя другой расы. Сёгмунд даже пренебрегал тёмными эльфами в качестве рабов. Поэтому всю работу ученики выполняли сами. И особо на это не жаловались. Ради своего же любимого дела старались ведь...

Сёгмунд всегда наблюдал за своей академией со счастливой улыбкой. Он верил, что собирал великую армию, которая всегда готова слепо следовать за ним... Нет, профессор не планировал захвата мира при помощи своей «армии»... Его просто радовал тот факт, что этих людей делает по сути он сам. Они стали тем, кем стали именно благодаря ему. И таких уже набралось больше тысячи... А сколько ещё будет? Несомненно, жизнь свою Сёгмунд посвятил этому. И будет дальше жить ради этого до конца своих дней, когда бы он не наступил.

Он знал абсолютно всё, что происходит сейчас в Академии.

мии. На всех семнадцати её этажах. И никто не знал, как это возможно – уследить сразу за всем одновременно, к тому же не покидая своего кабинета.

Сёгмунду было даже неинтересно, но приходилось много видеть. Так же и сейчас он видел какую-то лекцию, на которую совершенно того не желая, обратил повышенное внимание. Наверное, просто день сегодня был слишком скучным, и профессору хотелось перевести дух. Прямо сейчас он мог уснуть. Прямо сидя.

Там, где-то в углу, на задних партах сидели два друга, совершенно ничем не примечательные собой, и не выделявшиеся из толпы. Лекционная аудитория была огромной – тут собралось более сотни студентов, и все, словно один были одеты в чуть нелепые чёрно-синие формы.

Был слышен скрип перьев по всему залу. Он очень раздражал уши, но другого выбора не было – много кому хотелось учиться и постигать магические знания, а для этого надо было записывать всё, что слышишь.

Бэрз и Солон не писали ничего. Они даже практически не слушали того, что говорил суровый, но глуховатый и подслеповатый лектор. Очки его были настолько толстыми, что сквозь их стёкла глаза его были просто огромные, словно у жабы. И выглядело это очень смешно. Солон даже пытался зарисовать его, но случайно капнул пером на листок, и все старания его прошли даром. Даже Бэрз не успел оценить это «произведение искусства».

Это было последнее занятие на сегодня, поэтому когда прогремел колокол, означающий звонок во всей Академии, радость нахлынула на Солона и Бэрза. Лекции просто выматывала их умы. Гораздо интереснее было посещать практические занятия. Там и эмоций получишь сколько надо, и обувишься истинным чудесам колдовства.

Коридор двенадцатого этажа, на котором только что проходила лекция, был битком набит людьми. Одетыми пусть, как на подбор, одинаково, но отличающиеся друг от друга практически всем. Да и в шайки они собирались подходящие. Изысканные аристократы, богатые и ухоженные, шли по коридору и никого не сторонились. Крепкие деревенские парни, гораздо более скромные, чем остальные. Кучка красивых девушек. Напротив, кучка некрасивых девушек.

Даже Бэрз и Солон заметно различались между собой. Бэрз – очень высокий и худой, чуть согнутый в спине. А Солон абсолютно обычный. С прямыми белыми волосами, закрывающими лишь уши и достающими только до шеи. И лицо довольно симпатичное. Девушкам бы нравился, если бы вёл себя подобающе. Вообще, внешне он больше походил на «аристократию», чем на «деревенщину». Но это не помогало ему обрести соответствующего положения в обществе.

– Лекция была что надо, – сквозь шум пробормотал Солон, – я чуть было не уснул.

– Я бы тебе не позволил, – усмехнулся Бэрз. Говорил он заметно медленнее, нежели Солон.

– За три года, что я учусь тут, абсолютно ничего не изменилось. Профессора не меняются... Как и содержание их лекций.

– Это была философия, – развёл руками Бэрз, – там всегда рассказывают одно и то же. Только в разной форме.

Сейчас они проходили мимо очень интересного места. Они уже привыкли лицезреть это каждый день, но никогда не могли пройти мимо такого. На помосте стоял низкий толстячок лет двадцати четырёх, скорее всего тоже ученик старших курсов. Его тут называли Пророком. Он наверное и учился на факультете Прорицания, но из всего факультета только он один высказывал всё, что он думает, открыто.

– Мы все в опасности! – говорил, буквально восклицал он. – Наша Академия в опасности! Она сгорит в своей же агонии, помяните же мои слова, братья! Она является началом конца – всё начнется и закончится здесь! Сами небеса начинают воевать против нас! И первыми на их пути встаём мы – Адепты Солнечной Академии!

Многие считали этого человека сумасшедшим. И действительно – своими повадками он давал думать только такое. Он изо дня в день говорил о каких-то опасностях, предупреждающих нас в скором времени, но никогда они не сбывались. Всё было так же как и раньше. Но удивительным было не это, а другое. Если люди подходили к Пророку поодинечке, он всегда говорил им правду. К счастью, эти самые сбывающиеся пророчества были не особо замысловатыми. Да-

же близко не достигали такого вселенского масштаба, о котором он рассказывал всему проходившему народу.

— И самое страшное — мы являемся их же инструментами! Мы же и должны принести им помощь, уничтожившую нас! Я не прошу — я умоляю! Вникните моим словам!

Бэрз медленно покрутил пальцем у виска:

— Это неисправимый придурок.

— Пошли отсюда, — сказал Солон, — хотя... Может быть, скинем его с помоста, а потом спустим по лестнице?

— Ты чего? — испугался Бэрз. — Пошли уже!

И друзья пошли дальше. Им предстоит спускаться все 12 этажей пешком, так как магический лифт движется только вверх. А телепортами разрешено пользоваться только преподавателям. Печально конечно, но Солон и Бэрз не преподаватели. И такого будущего у них точно нет.

Академия на переменах была просто переполнена различными приключениями. Адепты просто не могли проводить своё время спокойно, несмотря на достаточную строгость профессора Сёгмунда.

Повсюду устраивали разные конкурсы, прямо в коридорах опробовали различные заклинания, и всё в таком духе. За это подлежало бы наказание, но смотрители ни за что не смогли бы переловить всех хулиганов. Их было тут очень много, и по большей части — от 16 до 20 лет. Были, конечно, и постарше, даже лет по 27, но это являлось сравнительной редкостью.

— Может, тоже попрактикуемся? — неожиданно предложил Солон. Запал аж сверкал на его лице.

— О чём ты? — спросил Бэрз.

— Тут многие зря времени не теряют. Отрабатывают за-клиниания, которые недавно выучили...

Около окна стояли несколько девушек с курса Солона. Безусловно, они были знакомы и Солон хотел показать себя для них в лучшем свете. Может быть, они и обратят на это внимание... Хотя, не исключен вариант, что они просто не заметят двух юношей из огромной толпы, желающих что-то показать.

— Не хочу я в это ввязываться, — отринул предложение Бэрз, и собрался было идти, но Солон его остановил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.